
ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Л.В. Бертовский, П.В. Эдилова

Кафедра уголовного права и процесса
Юридический институт Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

В статье затрагиваются проблемы поиска истины в уголовном процессе и досудебное соглашение. Особое внимание обращается на то, что упростить уголовное судопроизводство пытались и раньше, но при этом сохранялся принцип обязательного установления объективной истины в ходе производства по делу. Дается сравнительный анализ между европейскими континентальными и англосаксонскими институтами «делок о признании». В статье проанализированы мнения сторонников, которые отходят от принципа отражения. На основе проведенного исследования авторы утверждают, что упрощенный порядок не запрещает поиск истины, что подтверждается действиями судьи по ст. 316 и ст. 317.7 УПК РФ. Судья объективно оценивает действия подсудимого, которые указаны в досудебном соглашении о сотрудничестве, и имеет право принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке в связи с досудебным соглашением о сотрудничестве, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения. Обосновывается мысль о том, что российское уголовное судопроизводство ставит во главу угла установление всех истинных обстоятельств произошедшего, а только после этого достижение формального результата и сокращения времени и объемов уголовного процесса. Авторы приходят к выводу, что российское уголовное судопроизводство ставит во главу угла установление всех истинных обстоятельств произошедшего, а только после этого достижение формального результата и сокращения времени и объемов уголовного процесса.

Ключевые слова: поиск истины; юридическая истина; особый порядок; объективная истина; досудебное соглашение о сотрудничестве; признание вины; сделка с прокуратурой; вероятная истина; превращение в свидетеля обвинения.

Уже со времен глубокой древности в российском законодательстве существовал упрощенный порядок судопроизводства в связи с признанием лицом своей вины, который с развитием общественных отношений постоянно модернизировался.

Первые попытки создания упрощенной формы судопроизводства характерны еще для редакции Русской Правды, несмотря на явно обвинительный уклон уголовного процесса на Руси того времени. «Краткая» редакция Русской Правды оговаривает сокращенный уголовный процесс при условии признания вины, так как подразумевалось, что дальнейший смысл судебного разбирательства утрачивается [7].

После принятия Устава 1864 г. юридическая наука России продвигала идеи сокращенного судопроизводства, поддерживая тем самым их многочисленными публикациями, обсуждениями в прессе и общественных собраниях.

М.В. Духовский, проведя исследования, определил, что в 1887 г. в Российской империи привлечены к суду 39 тыс. подсудимых, из них 14 тыс. признали вину, в связи с чем дела в отношении них были рассмотрены посредством сокращенной формы производства. В целом свою вину признавали 35% обвиняемых из общего числа подсудимых [З. С. 207]. Это свидетельствует не только о продвижении идеи упрощенного судопроизводства, но и о фактической эффективности этого института в России в конце XIX в.

В дальнейшем в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР обозначились такие принципы правосудия: состязательность сторон, гласность, ведение дел на национальном языке, также сохранился принцип обязательного установления истины в ходе производства по делу. В УПК РСФСР, как и в редакции 1923 г., предусматривалось сокращение судебного следствия при условии признания вины обвиняемым, но отсутствовали какие-либо положения о «соглашении» с правосудием.

В 1996 г. с вступлением в действие нового Уголовного кодекса подверглись серьезной коррекции и некоторые статьи действующего Уголовно-процессуального кодекса, это ст. 75, 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ. Основной смысл существования этих институтов заключается в том, чтобы допустить фактическое неприменение мер уголовной ответственности и наказания в тех случаях, когда их применение явно нецелесообразно. Теперь в совокупности предусматривали возможность прекращения уголовного дела и освобождения от уголовной ответственности по ст. 75 УК РФ в связи с раскаянием лица, совершившего преступление.

В Общей части прежнего УК деятельное раскаяние рассматривалось лишь как смягчающее обстоятельство и учитывалось при назначении наказания (п. «а» ст. 38 УК РСФСР 1960 г.). Обязательными условиями были: совершение впервые преступления небольшой тяжести, явка с повинной, способствование раскрытию преступления, возмещение причиненного ущерба или заглаживание вреда. Такое освобождение применяется только к лицу, в действиях которого имеется состав преступления. Если совершенное деяние в силу малозначительности, при наличии условий правомерности необходимой обороны, крайней необходимости или других обстоятельств, исключающих преступность деяния, за отсутствием вины или по другим причинам не содержит всех признаков состава преступления, тогда лицо вообще не подлежит привлечению к уголовной ответственности.

В судебной практике существует много случаев, когда подсудимого освобождали в связи с раскаянием лица, совершившего преступление. Например, в мировом суде Ленинградской области рассматривалось дело по ч. 1 ст. 159.2 УК РФ в отношении Николаевой. Подсудимая полностью возместила материальный ущерб, причиненный преступлением потерпевшему — Управлению Пенсионного фонда Российской Федерации в Волосовском районе Ленинградской области в размере 12057 рублей 65 копеек. Уголовное дело по обвинению Николаевой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.2 УК РФ, на основании ст. 75 УК РФ, ст. 28 УПК РФ, было прекращено в связи с деятельным раскаянием.

Также предусматривается возможность прекращения уголовного дела по ст. 76 УК РФ и ст. 26 УПК РФ в связи с примирением с потерпевшим. Преступление небольшой или средней тяжести должно быть совершено впервые, а само примирение сочетаться с заглаживанием виновным причиненного потерпевшему вреда.

Возмещение или устранение должно быть адекватным причиненному вреду. Потерпевший может требовать возмещения как материального, так и морального вреда. Если потерпевший не будет удовлетворен возмещением вреда, виновный не может быть освобожден от уголовной ответственности в связи с примирением, поскольку подобное примирение не может быть признано таковым в силу отсутствия выполнения всех условий, изложенных в комментируемой статье.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим является правом компетентных органов, а не обязанностью. В силу этого такое решение могут принять, если придут к выводу о его нецелесообразности.

В судебной практике существуют случаи, когда между виновным и потерпевшим состоялось примирение и были приняты меры по заглаживанию причиненного вреда, но судья не приняло решение о прекращении уголовного дела по ст. 76 УК РФ. Например, в мировом суде Домодедовского судебного района Московской области рассматривалось дело Разумова по ст. 133 УК РФ (понууждение к действиям сексуального характера). Между Разумовым и потерпевшей было заключено примирение, и обвиняемый загладил причиненный им вред. Однако в силу общественной значимости, социальной опасности содеянного, оценки личности виновного и других обстоятельств органы, в ведении которых находится решение данного вопроса, не приняло такое решение и рассмотрело дело по существу.

Исходя из сказанного выше, очевидно, что упростить уголовное судопроизводство пытались и раньше, но при этом сохранялся принцип обязательного установления объективной истины в ходе производства по делу. Раньше фактически имелось место сотрудничество подозреваемых, обвиняемых со следственными органами, но делалось это полулегально. Но гарантией для «сотрудничающих» служило только обещание или «честное слово» представителя стороны обвинения. В итоге подозреваемый (обвиняемый), заключая негласную сделку о сотрудничестве с обвинителем, вынужден был надеяться на совесть конкретного лица, ведущего расследование или поддерживающего обвинение в суде. Теперь подозреваемый (обвиняемый) осознает, что его судьба зависит от четко прописанных норм закона, а не от воли конкретного лица-следователя, прокурора или судьи.

Сама природа российского уголовного процесса свидетельствует о признании и необходимости объективной истины в процессе, и отказываться от нее нет никаких оснований. Нет оснований вычеркивать понятие истины из гносеологии, уголовно-процессуального закона и правосознания. Уголовное судопроизводство должно выступать гарантом объективной истины, а объективная истина — гарантом объективного, справедливого судопроизводства.

Упрощенный порядок не запрещает поиск истины, что подтверждается действиями судьи по ст. 316 и 317.7 УПК РФ. Судья не является обычным на-

блюдателем уголовного судопроизводства, а наоборот, от него зависит, будет ли проведен особый порядок или нет. При возражении одной из сторон против постановления приговора без проведения судебного разбирательства либо по собственной инициативе судья выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке. Значит, у судьи есть выбор.

Судья, получив дело с ходатайством об особом порядке, имеет право опрашивать подсудимого по ч. 4 ст. 316 УПК РФ, «понятно ли ему обвинение, согласен ли он с обвинением и поддерживает ли свое ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства, заявлено ли это ходатайство добровольно и после консультации с защитником, осознает ли он последствия постановления приговора без проведения судебного разбирательства. При участии в судебном заседании потерпевшего судья разъясняет ему порядок и последствия постановления приговора без проведения судебного разбирательства и выясняет у него отношение к ходатайству подсудимого». Судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранные по делу, но могут быть исследованы обстоятельства, которые отягчают или смягчают наказание.

Судья проверяет, обоснованно ли обвинение, с которым согласился обвиняемый, а также подтверждается ли его вина собранными доказательствами. Во время упрощенного порядка охраняются права подсудимого: обязательное участие защитника; если обвиняемый возражает против вынесения приговора без проведения судебного разбирательства, то его возражения учитываются и судья выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства; также учитывается добровольность заявления ходатайства. Не только права подсудимого охраняются во время упрощенного порядка, но и права потерпевшего. Судья разъясняет ему порядок и последствия постановления приговора без проведения судебного разбирательства и выясняет у него отношение к ходатайству подсудимого, а также учитываются его возражения о вынесении приговора без проведения судебного разбирательства.

В ст. 317.7 УПК РФ указан порядок проведения судебного заседания и постановления приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Судебное заседание проводится с обязательным участием подсудимого и его защитника (ч. 2 ст. 317.7 УПК РФ). Действительно, роль защитника при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве весьма существенна.

В ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ изложены обстоятельства, которые должны быть исследованы в судебном заседании:

- 1) характер и пределы содействия подсудимого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления;
- 2) значение сотрудничества с подсудимым для раскрытия и расследования преступления, изобличения и уголовного преследования других соучастников преступления, розыска имущества, добытого в результате преступления;

3) преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с подсудимым;

4) степень угрозы личной безопасности, которой подвергались подсудимый в результате сотрудничества со стороной обвинения, его близкие родственники, родственники и близкие лица;

5) обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Обязанность суда исследовать указанные обстоятельства основана на идее компромисса государства с обвиняемым, которая лежит в основе всей процедуры вынесения судебного решения в порядке, установленном гл. 40.1 УПК РФ.

В УК РФ была введена норма, изложенная в ст. 63.1, указывающая, что в случае, если установлено, что лицом, заключавшим досудебное соглашение о сотрудничестве, были предоставлены ложные сведения или сокрыты от следователя либо прокурора какие-либо иные существенные обстоятельства совершения преступления, суд назначает ему наказание в общем порядке без применения положений ч. 2, 3 и 4 ст. 62 УК РФ, касающихся срока и размера наказания, и ст. 64 УК РФ

Позиция Верховного Суда РФ аналогична: «Глава 40.1 УПК РФ не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке в связи с досудебным соглашением о сотрудничестве, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения. В частности, содеянное подсудимым может быть переквалифицировано, а уголовное дело прекращено судом (в связи с изменением уголовного закона, истечением сроков давности, актом об амнистии и т.д.), если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются» [11].

В отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, применяются меры безопасности, предусмотренные ст. 11 и п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ. Меры безопасности применяются также и к его близким родственникам, родственникам и близким лицам (ч. 2 ст. 317.9 УПК РФ). Однако следует признать недостаточными меры, которые могут быть применимы к лицу, сотрудничающим со следствием, в случае его осуждения к реальному лишению свободы.

Исходя из редакции ст. 6 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20 августа 2004 г. № 3119-ФЗ в отношении защищаемого лица могут применяться одновременно несколько либо одна из перечисленных мер безопасности.

В соответствии с п. 4 ст. 154 УПК в отдельное производство из уголовного дела может быть выделено дело в отношении лица, с которым заключено соглашение. При этом в случае угрозы безопасности последнего материалы уголовного дела, идентифицирующие его личность, изымаются из «первоначального» дела и приобщаются к выделенному делу.

Согласно, ч. 3 ст. 317.4 УПК в случае угрозы безопасности подозреваемого или обвиняемого, а также угрозы безопасности близких им лиц следователь выносит постановление о хранении документов, указанных в ч. 2 той же статьи, в

опечатанном конверте. В соответствии с ч. 1 ст. 216 УПК эти документы не предъявляются потерпевшему, гражданскому истцу и ответчику при их ознакомлении с уголовным делом.

Обеспечиваются ли права потерпевших при особом порядке принятия решения в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым)? Многие из правоведов считают, что интересы потерпевшего не учитываются, так как его не уведомляют о производимых действиях. Ведь заключение соглашения о сотрудничестве повлияет как на размер, так и на перспективы возмещения причиненного материального и морального вреда. Очевидно, это вызвано тем, что цель состоит в борьбе с преступностью. Интересы потерпевшего могут иметь узкоэгоистический характер, и ставить достижение истины в зависимость от них нельзя.

Так, А.Г. Корчагин отвечает на этот вопрос утвердительно: «Дело в том, что по смыслу закона права потерпевшего могут быть реализованы в ходе исследования вопросов, перечисленных в ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ. Каких-либо препятствий для участия потерпевшего в обсуждении этих вопросов закон не содержит» [5].

В определении Конституционного Суда РФ «По жалобе Ковальчука Владимира Степановича и Ковальчук Тамары Николаевны на нарушение их конституционных прав частью второй ст. 317.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 2 февраля 2011 г. [10] указывается на отсутствие необходимости и целесообразности согласия потерпевшего при заключении с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве, а также на то, что ограничение необходимости согласия потерпевшего по уголовному делу допускается в целях защиты прав и законных интересов других лиц и организаций от преступлений, возмещения причиненного вреда, восстановления конституционных прав и свобод, что соответствует конституционно оправданным целям (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

При проведении судебного заседания в порядке ст. 317.7 УПК потерпевший может отстаивать свою процессуальную позицию по существу рассматриваемых вопросов и участвовать в их исследовании в условиях непосредственности и устности.

В соответствии с ч. 7 ст. 317.7 УПК РФ после провозглашения приговора судья разъясняет сторонам право и порядок его обжалования, предусмотренные гл. 43 УПК РФ, которая, в свою очередь, содержит указание на право апелляционного и кассационного обжалования судебных решений, не вступивших в законную силу.

В настоящее время в ходе судебно-правовой реформы вопрос об объективной истине становится спорным: нужна ли следствию и суду объективная истина? И многое из того, что сказано и написано в последние годы, неизбежно ведет к выводу: выяснять истину больше не нужно, во всяком случае, не обязательно.

Н.Н. Неретин указывает, что при применении досудебного соглашения о сотрудничестве правосудие утрачивает свое значение, становясь способом констатации результатов предварительного расследования, а также оно не уберегает от осуждения невиновного [8. С. 14–16].

Также соглашаясь с высказыванием Н.Н. Неретина, В.И. Илюхин утверждает, что в УК и УПК уже имеется достаточная нормативная база для борьбы с теми явлениями, на противодействие которым направлен институт досудебного соглашения о сотрудничестве, и в уже имеющихся институтах все решает суд, а ««делка с правосудием» — суррогат, подмена правосудия» [4. С. 10].

В целом поддерживая необходимость расширения диапазонов начал, И.Л. Петрухин предостерегал, что сокращение сроков рассмотрения уголовных дел будет достигаться «ценой отказа от раскрытия преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких». Исказится статистика преступности, силовые ведомства станут рапортовать о снижении преступности при фактическом ее росте. Значительно возрастет латентная преступность. Преступники перестанут бояться уголовного наказания, что повлечет рост рецидива. Таким образом, введение процедуры «досудебного соглашения о сотрудничестве» на стадии следствия особенно опасно [9. С. 35].

Зарубежный опыт показывает, что только в рамках процедуры предварительного слушания возможно избежать злоупотреблений и гарантировать законность сделок о признании вины. Признание обвиняемым своей вины не должно освобождать следственные органы от всестороннего установления обстоятельств произошедшего во избежание осуждения невиновного по самооговору.

Очевидно, что российская (советская) практика уголовного судопроизводства в отличие, например, от США, была нацелена на выявление не формальной, а объективной истины. Российское (советское) уголовное судопроизводство ставило во главу угла установление всех истинных обстоятельств произошедшего, а не достижение формального результата и сокращения времени и объемов уголовного процесса. В связи с этим о сделках с правосудием в их зарубежном смысле не могло и быть речи.

Основные доводы сторонников исключения объективной истины из уголовного процесса сводилось к тому, что:

- 1) этот институт является пережитком марксистско-ленинской политической идеологии;
- 2) что в уголовном процессе в отличие от научного познания объективная истина недостижима;
- 3) а главное, что в условиях состязательной модели судопроизводства этот вид истины вообще становится не нужным, так как преобладающей в нем является так называемая юридическая истина.

Считается, что суть юридической истины в том, что ее сторонники отрывают юридическое от фактического. Юридически значимую мысль отрывают от реальной действительности, и она лишается объективной опоры. Все сводится к форме, а содержание игнорируется. Эти доводы являются спорными, так как:

- 1) как было выше сказано в российском уголовном процессе объективная истина существовала задолго до зарождения марксистско-ленинской философии;
- 2) объективная истина — это такое содержание человеческих знаний, которое не зависит от воли и желаний субъекта. Истина не конструируется по воле и желанию людей, а определяется содержанием отражаемого объекта, что и

обуславливает ее объективность. Считается, что исходным научным положением об объективной истине в уголовном процессе должна быть теория отражения, согласно которой наши ощущения и представления являются слепоками, снимками с действительности, в наших суждениях находит свое отражение объективная действительность, наше мышление может познать действительность;

3) в состязательном процессе юридическая истина заключается в том, что суд, оценивая позиции противоположных сторон, выбирает из них наиболее аргументированную и на основе выносит по делу итоговое решение, возводя тем самым ее в ранг истины. Но юридическая истина шире, чем вероятная истина. В него входит вероятная и абсолютная истины.

По мнению А. Аверина: «...юридическая истина — это то, что существует в юридической действительности, отражает юридическую действительность, юридическую правду, это адекватное отражение в сознании людей права, юридической действительности». Этот взгляд основывается на представлении о том, что «судья познает не объективную, а юридическую реальность» [1. С. 128–129].

Так, И.Б. Михайловская пишет: «Диспозитивность, позволяющая сторонам пользоваться предоставленными законом правами или отказаться от них по собственному усмотрению, влиять своими решениями на исход процесса, входит в противоречие с принципом публичности и вынуждает законодателя искать компромисс между ними. В случаях, когда указанное противоречие решается в пользу диспозитивности, оценка законности приговора производится по критерию соответствия или несоответствия выводов суда материалам дела. Установление такого соответствия дает основание говорить о достижении истины юридической, а не материальной. Юридическая истина может соответствовать, а может и не соответствовать фактам, имевшим место в реальности».

Таким образом, сторонники юридической истины отказываются от объективной истины и отрывают юридическую истину от объективной. Но на самом деле, юридическая истина является составной частью объективной истины. Уголовный процесс — это тоже суть познания, которое построено на объективных началах. На что направлен уголовный процесс? На констатацию сильного над слабым, а не честного противника? Или чтобы наказать виновного?

Установление объективной истины является целью уголовного процесса, но, конечно, это не единственная цель уголовного процесса. Так, М.А. Чельцов писал: «Объективная истина в уголовном деле есть отражение фактов объективной действительности в выводах следователя и суда о наличии события преступления и о виновности или невиновности в его совершении привлеченного к уголовной ответственности» [14. С. 124].

Отход от принципа отражения наблюдается в концепции Г.П. Корнева, поскольку за исходный, непосредственный объект познания им берется не объективная реальность, не сами реальные предметы, а «идеальная логическая модель объекта», которая является предметом познания.

А.П. Рыжаков также исследует вопрос об истине в уголовном процессе, однако отказывается и от объективной (предметной) истины и фактически отстаивает субъективную истину в уголовном судопроизводстве.

Ведь объективная истина идет от вещей. Если не признавать наличие в представленных человека (субъекта познания) такого знания, которое не зависит ни от человека, ни от человечества, — значит отрицать объективную истину. «Возникает вопрос, — пишет Рыжаков, — возможно ли установить объективную истину? Истинность знаний констатируется посредством человеческого мышления опосредственно через внутреннее убеждение... Пока человечеству не известно иного средства установления истинности знания, кроме как через внутреннее убеждение».

А вот А.Р. Белкин, касаясь вопроса о характере истины в уголовном процессе, сначала пишет, что «истина в уголовном судопроизводстве может считаться абсолютной, если исходить из задач доказывания, когда требуется установить не бесконечное многообразие сторон, свойств, признаков и тому подобных фактов, явлений, а лишь то, что диктует закон, когда познание этих фактов явлений ограничивается лишь тем, что и как требует предмет доказывания».

Однако затем он встает на позицию, что по делу достигается лишь «практической достоверность», т.е. вероятная истина. «Обоснованием внутреннего убеждения субъекта доказывания о достижении объективной истины по делу служат суждения, имеющие характер как абсолютных истин, так и истин практически достоверных. Именно последние в конечном счете определяют характер истины по делу».

А.Р. Белкин исходит из того, что косвенное доказательство (улика) в сущности по себе связано с предметом доказывания лишь вероятными связями. А сумма вероятностей не образует достоверности.

Объективная истина в уголовном процессе — достаточно сложное понятие, чтобы судить о ее характере сквозь одних только косвенных доказательств (как это делает А.Р. Белкин). К истине стоит подходить системно, не ограничиваясь косвенными доказательствами, при этом трактуя их лишь как носителей вероятностного знания, необходимо рассматривать косвенные доказательства в неразрываемой связи с прямыми доказательствами и объективной реальностью и объективной истиной как целью доказывания.

Объективная истина не может быть версией или существовать в виде версии, потому что истина включает в себя диалектический процесс познания, т.е. это движение от незнания к знанию, а версия как раз это догадка, опытное предположение. Объективная истина есть результат исследования всестороннего, полного и объективного, которая включает в себе качественно отличное в себе знание. Если следователь начнет смотреть на объективную истину по уголовному делу сквозь призму версии, то он легко может встать на позицию, что версия и есть истина, и тогда будет заниматься односторонним, тенденциозным подбором доказательств, которые будут подкреплять эту версию, потому что она кажется ему наиболее правдоподобной, т.е. не будет заниматься исследованием доказательств, не объективной проверкой.

То есть если версия подтверждается, то она перестает быть версией, она становится достоверным знанием о существенных обстоятельствах расследуемого преступления?

Если рассматривать версию через диалектический процесс отражения, который протекает не путем прохода от вероятности к достоверности от незнания к знанию, то мы приходим к выводу, что версия не может стать достоверной.

Но версия о преступлении выдвигается, потому что имеет объективную, независимую от следователя (судьи) основу.

Вероятная истина требует также формализации уголовного судопроизводства, формализации доказательств, формальной истины. Также требует относиться к собственному признанию обвиняемого, как к главному доказательству по делу. Поэтому допускаются «сделки о признании вины».

Вероятная истина основана на количественном исчислении, на элементах наличия обыденного опыта.

Объективная истина требует объективного подхода, установления объективных связей между реальными предметами, явлениями и доказательствами.

Вероятная истина требует вероятного подхода, формальной логики, ограничивается в формально-логическими и правдоподобными связями между доказательствами.

В настоящее время в уголовно-процессуальной науке наметилась тенденция к сведению вероятной истины и юридической. Считается, что вероятная истина — это также и юридическая истина.

Некоторые ученые называют объективную истину «материальной истиной». М.С. Строгович в своем двухтомном труде «Курс советского уголовного процесса» писал: «Материальная истина и объективная истина — это не разные понятия, а одно и то же понятие, термин “материальная истина” применяется в советской теории уголовного процесса для того, чтобы выразить, что эта истина — действительная, подлинная истина, под которой понимается соответствие выводов следствия и суда различным формальным условиям» [12. С. 310–311].

Такого же взгляда придерживается В.Т. Томин. В одной из работ он указал, что «под термином материальная истина понимается объективная истина, познаваемая по уголовному делу допустимыми уголовно-процессуальными законами средствами» [13. С. 276].

Принципы совершенствования в Российской Федерации уголовно-процессуального законодательства изначально, с момента принятия в 1933 г. всенародным голосованием Конституции РФ, имели своей основной целью демократизации уголовного процесса и его соответствие международным правовым стандартам. В связи с этим за последние два десятилетия в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, а также во многие другие законодательные акты внесено большое количество изменений.

Развитием правового института «сделки с правосудием» мы обязаны в первую очередь США, так как в уголовном судопроизводстве именно этого государства данный институт получил наибольшее распространение и выразился в разнообразных формах: в письменных соглашениях между сторонами и в устных формальных договоренностях.

Англосаксонский уголовный процесс никогда не ставил перед судом задачу установить истину, а именно выяснить все фактические обстоятельства про-

изошедшего, квалифицировать их юридическую сторону и в итоге принять соответствующее решение в интересах абстрактного публичного правопорядка, при этом придавая второстепенное значение аргументам, на которых настаивают стороны процесса. Установление истины небезразлично для англосаксонского процесса. Одной из целей судьи является установление истины по делу, но это необходимо лишь для того, чтобы справедливо разрешить судебный спор. Если же одна из сторон отказывается вести судебный спор, то суд не ищет истину.

Учитывая, что «сделки о признании вины», имеющиеся в законодательстве США, исходя из их содержания и правовой сути, фактически связаны с отказом государства от установления объективной истины в уголовном процессе, указанное положение является принципиальным отличием американской «сделки с правосудием» от российского досудебного соглашения о сотрудничестве, где твой отказ от обвинения невозможен ни при каком условии. Кроме того, действия, которые должен выполнить обвиняемый по такому соглашению, и те уступки, на которые готово пойти государство, установлены законом.

«Сделки о признании» является порождением института «объявления себя виновным». Признание обвиняемым своей вины полностью освобождает сторону обвинения от обязательного доказывания, и ничто не мешает сторонам «договориться». Обвиняемый признает себя виновным и подвергается уголовному наказанию, например, в обмен на исключение из обвинительного акта части эпизодов обвинения, смягчение квалификации и т.д.

Свое историческое воплощение и формальное процессуальное оформление «сделки с правосудием» получили в США в XIX в., когда данный институт существовал лишь как правоприменительная мера. Впоследствии «сделки с правосудием» официально были признаны законодателями и судьями [2. С. 276].

Данный институт является органической частью американского уголовного процесса и применяется на практике более 150 лет. Американский юрист отмечал, что если в 1839 г. в штате Нью-Йорк лишь 22% приговоров по уголовным делам были результатом «сделки о признании вины», то к 1869 г. 70%, а в 1920 г. 88% всех уголовных дел были разрешены посредством заявлений о признании вины [6. С. 173].

Сделки о признании вины в американском уголовном процессе преследуют основную цель — сокращение сроков рассмотрения уголовных дел. Причина стремления к сокращению сроков уголовного судопроизводства — прежде всего желание избежать разбирательства дела в суде присяжных, которое может длиться до нескольких месяцев. Во многих случаях предсказать, как присяжные оценят собранные по делу доказательства и какой затем вынесут вердикт, крайне сложно.

Сторона защиты также заинтересована в заключении сделки с правосудием, так как понимает, что рассмотрение дела судом присяжных закончится длительным сроком заключения.

В отличие от англосаксонского уголовного процесса стержнем континентального европейского уголовного процесса служит принцип объективной истины. Суд обязан установить объективную истину, чтобы наказание понесло действительно виновное лицо, а не то, которое «отказалось от судебного спо-

ра». Суд не связан позициями и договоренностями сторон, вправе по своей инициативе собирать дополнительные доказательства уже непосредственно в ходе судебного разбирательства.

В то же время в последние годы в континентальном уголовном судопроизводстве нередко появляются институты, мало соответствующие принципу объективной истины и более выдержанные в духе англосаксонских традиций подхода к состязательности.

Признание обвиняемым своей вины оценивается лишь как рядовое доказательство. Именно в этом проявляется основное различие между англосаксонским и континентальным подходами к институту «признания вины», выраженное в разном понимании принципа состязательности в данных системах уголовного судопроизводства.

В германском уголовном судопроизводстве появились официально признаваемые «уголовно-процессуальные соглашения». Германские «сделки о признании» в настоящее время не имеют под собой достаточной законодательной базы, но развиваются в качестве меры, признанной в некоторой степени разгрузить уголовную юстицию.

Существующие в германском уголовном судопроизводстве «сделки о признании» отчасти имеют «англосаксонский вид». В ответ на согласие обвиняемого признать свою вину обвинитель отказывается от обвинений по эпизодам, которые связаны с «основным» преступлением, но лишь при условии их совокупности.

Уголовное судопроизводство Испании достаточно активно использует институт «согласия», по которому сторона обвинения направляет в суд ходатайство о назначении наказания на срок, не превышающий шесть лет лишения свободы. Этот новый институт испанского судопроизводства фактически основан на признании обвиняемым своей вины (его волеизъявление).

Уголовно-процессуальный кодекс Португалии 1987 г. ввел процедуру «очень упрощенное судопроизводство», которая применяется по делам с наказанием, не превышающим шести месяцев тюремного заключения. Прокурор как надзирающая инстанция в данном случае направляет дело в суд со своим ходатайством о его рассмотрении по процедуре «очень упрощенное судопроизводство», в котором должны быть указаны вид и размер предлагаемого прокурором наказания.

Этот институт в Португалии основан на принципе «объективной истины». Это и является специфической особенностью португальской «сделки о признании».

Польское судопроизводство применяет сделки с правосудием, но в ограниченной форме. Эта процедура обозначена как «добровольное подчинение наказанию», допустима за преступления, наказание за которые не превышает трех лет лишения свободы.

В 1990-е гг. в Эстонии был введен институт признания вины, который позволяет обменять признание на смягчение наказания и избежать ряда судебных процедур. Эти сделки с правосудием возможны только за те преступления, наказание за которые не превышает четырех лет тюремного заключения, тогда наказание уменьшается на четверть.

Анализ европейских континентальных институтов «сделок о признании» показывает определенное сходство с англосаксонскими институтами «сделки о

признании вины» и «сделки с правосудием», но они не являются точней копией англосаксонских традиций сокращенного судопроизводства. Новые европейские институты не охватывают в большей части весь уголовный процесс, а лишь небольшую сферу применения по делам малозначительной категории. А вот англосаксонские институты являются неотъемлемой частью всего уголовного судопроизводства своих стран, применимы и к самым тяжким преступлениям, так и к самым малозначительным. Российская (советская) практика уголовного судопроизводства в отличие, например, от США была нацелена на выявление не формальной, а объективной истины.

Также следует признать, что основными причинами введения в уголовно-процессуальное законодательство РФ данного правового института послужили необходимость снижения общего уровня преступности, прежде всего организованной, сокращение объема ресурсов, необходимых для эффективной работы судебной системы. Сделки в российском правосудии не исключают поиск истины, что подтверждается действиями судьи по ст. 316 и ст. 317.7 УПК РФ. Судья объективно оценивает действия подсудимого, которые указаны в досудебном соглашении о сотрудничестве, и имеет право принимать по делу, рассматриваемого в особом порядке в связи с досудебным соглашением о сотрудничестве, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения.

Хотелось бы подчеркнуть, что права потерпевшего не ущемляются при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Несмотря на то, что нет необходимости получать согласие потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, он не лишен права возражать против рассмотрения в особом порядке уголовного дела, по которому заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, а случае несогласия с принятым по его ходатайству решением суда — обжаловать это решение в вышестоящий суд посредством принесения жалобы на приговор. Очевидно, это вызвано тем, что цель состоит в борьбе с преступностью.

Интересы потерпевшего могут иметь узкоэгоистический характер, и ставить достижение истины в зависимость от них нельзя. Следовательно, само по себе законодательное установление процедуры заключения досудебного соглашения о сотрудничестве не ограничивает доступа потерпевших от преступления к правосудию и не снижает гарантий защиты ими своих прав и свобод.

Заслуживают внимания и права подозреваемого (обвиняемого) при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. В отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, применяются меры безопасности, предусмотренные ст. 11 и п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ. Но нигде не оговорено, какие меры безопасности применяются, если его осуждают к реальному лишению свободы.

Подводя итог к вышесказанному приходим к выводу, что Российское уголовное судопроизводство ставит во главу угла установление всех истинных обстоятельств произошедшего, а только после этого достижение формального результата и сокращения времени и объемов уголовного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аверин А.В.* Истина и судебная достоверность (постановка проблемы). — СПб., 2007.
- [2] *Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А.* Уголовный процесс западных государств. — М., 2001.
- [3] *Духовской М.В.* Русский уголовный процесс. — М., 1910.
- [4] *Илюхин В.И.* Зачем ломиться в открытую дверь? // Российская Федерация сегодня. — 2008. — № 4.
- [5] *Корчагин А.Г.* Поддержание обвинения в отношении лиц, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // Законность. — 2011. — № 22.
- [6] *Махов В.Н., Пешков М.А.* Уголовный процесс США (досудебные стадии): учеб. пособие. — М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998.
- [7] *Момотов В.В.* Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв.: монография. — М., 2013.
- [8] *Неретин Н.Н.* Досудебное соглашение о сотрудничестве и принцип справедливости уголовного судопроизводства // Мировой судья. — 2009. — № 12.
- [9] *Петрухин И.Л.* Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Российская юстиция. — 2001. — № 5.
- [10] Определение Конституционного Суда Российской Федерации «По жалобе граждан Ковальчука В.С. и Ковальчук Т.Н. на нарушение их конституционных прав частью 2 ст. 317.6 Уголовно-процессуального кодекса РФ» от 2 февраля 2011 г. № 31481-О-О // СПС «КонсультантПлюс».
- [11] Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» от 28 июня 2012 г. № 16 // Российская газета. — 2012. — 11 июля.
- [12] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. — М.: «Наука», 1968. — Т. 1.
- [13] *Томин В.Т.* Уголовный процесс: Актуальные проблемы теории и практики. — М.: «Юрайт», 2009.
- [14] *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс: учебник для юридических институтов и факультетов. Изд. 4-е, испр. и доп.— М., 1962.

**THE PROBLEM OF THE SEARCH FOR TRUTH IN CRIMINAL
PROCEEDING AND PRE-TRIAL AGREEMENT
ON COOPERATION**

L.V. Bertovsky, P.V. Edilova

The Department of Criminal Law and Procedure
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The article touches upon the problems of the search for truth in criminal proceedings and pre-trial agreement. Particular attention is drawn to the fact that simplify the criminal proceedings had tried before, but it kept the principle of the mandatory establishment of objective truth in the course of the proceedings. Comparative analysis between the European continental and the Anglo-Saxon institutions "transactions of recognition." The article analyzes the views of supporters that depart from the principle of reflection. Based on the conducted research, the authors argue that the simplified procedure does not prohibit the search of truth, as evidenced by the actions of the judge on senior 316 and senior 317.7 the

code. The judge objectively evaluates the actions of the defendant, which are listed in the pretrial agreement and has the right to take a case in a specific order in connection with pre-trial cooperation agreement, other than the sentence of a court decision. The idea is substantiated that the Russian criminal procedure puts at the forefront the establishment of all the true circumstances of the incident, and only after that the achievement of formal result and reduce the time and scope of the criminal process. The authors come to the conclusion that the Russian criminal procedure puts at the forefront the establishment of all the true circumstances of the incident, and only after that the achievement of formal result and reduce the time and scope of the criminal process.

Key words: search for truth; objective truth; legal truth; probable truth; special order; pretrial agreement on cooperation; confession; deal with the prosecution; transformation in witness

REFERENCES

- [1] *Averin A.V.* Istina i sudebnaja dostovernost' (postanovka problemy). — SPb., 2007.
- [2] *Gucenko K.F., Golovko L.V., Filimonov B.A.* Ugolovnyj process zapadnyh gosudarstv. — M., 2001.
- [3] *Duhovskoj M.V.* Russkij ugolovnyj process. — M., 1910.
- [4] *Iljuhin V.I.* Zachem lomit'sja v otkrytuju dver'? // Rossijskaja Federacija segodnja. — 2008. — № 4.
- [5] *Korchagin A.G.* Podderzhanie obvinenija v otnoshenii lic, s kotorymi zakljucheno dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve // *Zakonnost'*. — 2011. — № 22.
- [6] *Mahov V.N., Peshkov M.A.* Ugolovnyj process SShA (dosudebnye stadii): ucheb. posobie. — M.: ZAO «Biznes-shkola «Intel-Sintez», 1998.
- [7] *Momotov V.V.* Formirovanie russkogo srednevekovogo prava v IX–XIV vv.: monografija. — M., 2013.
- [8] *Neretin N.N.* Dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve i princip spravedlivosti ugolvnogo sudoproizvodstva // *Mirovoj sud'ja*. — 2009. — № 12.
- [9] *Petruhin I.L.* Sdelki o priznanii viny chuzhdy rossijskomu mentalitetu// Rossijskaja justicija. — 2001. — № 5.
- [10] *Opreделение Конституционного Суда Российской Федерации «По жалобе гражданина Ковал'чука В.С. и Ковал'чук Т.Н. на нарушение их конституционных прав част'ju 2 ст. 317.6 Уголовно-процессуального кодекса РФ» от 2 февраля 2011 г. № 31481-О-О // СПС «КонсультантПлюс».*
- [11] *Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF «O praktike primenenija sudami osobogo porjadka sudebnogo razbiratel'stva ugolovnyh del pri zakljuchenii dosudebnogo soglashenija o sotrudnichestve» от 28 июня 2012 г. № 16 // Rossijskaja gazeta. — 2012. — 11 ijulja.*
- [12] *Strogovich M.S.* Kurs sovetskogo ugolvnogo processa. — M.: «Nauka», 1968. — T. 1.
- [13] *Tomin V.T.* Ugolovnyj process: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. — M.: «Jurajt», 2009.
- [14] *Chel'cov M.A.* Sovetskij ugolovnyj process: uchebnik dlja juridicheskikh institutov i fakul'tetov. Izd. 4-e, ispr. i dop.— M., 1962.